

Прежде чем клюв птицы успел жестоко «поцеловать» его голову, Шуан Цзянь Нянь поспешно поднял свои маленькие крылья и уперся ими в рот Янь Хуаланя.

— Ваше Величество! Я — яо, яо не едят друг друга!

Жаворонки относятся к отряду воробьиных, их тело очень маленькое, а голосок, как правило, славится нежностью и мелодичностью. Поэтому сейчас голос Шуан Цзянь Няня звучал нежно и звонко, действительно очень приятно.

Однако Янь Хуалань явно не был склонен щадить слабых и кротких, и грубым голосом сказал:

— И что с того, что ты яо? Таких маленьких яо, как ты, я могу съесть сотню за раз!

На самом деле крик взрослого павлина крайне неприятен на слух, он похож на грубый рев сирены, который затем прорывается в пронзительный «аанг». Учитывая, что Янь Хуалань был в плохом настроении, его крик чуть не оглушил Шуан Цзянь Няня.

Это было отвратительно, совершенно невыносимо.

Шуан Цзянь Нянь вспомнил, как Янь Хуалань в прошлом мило и нежно «чирикал» ему, и не смог удержаться от сомнений в реальности.

...Ты знаешь, что твой образ милого младшего брата развалился на глазах?

Этот мерзкий двуличный и лицемерный павлин!

Возможно, Янь Хуалань решил, что его размер слишком мал и даже не стоит того, чтобы забивать им зубы, поэтому убрал клюв.

Шуан Цзянь Нянь с облегчением вздохнул, и уже собрался улизнуть от этого яо, как вдруг снова оказался прижат лапой к ветке, его начали мять, давить и скручивать. С него слетело несколько перьев, и в голове у него все перевернулось.

Видя, как маленький жаворонок страдает, настроение Янь Хуаланя постепенно улучшалось. Раз уж старшего брата рядом нет, он полностью расслабился, начал напевать ужасным павлиньим голосом, самозабвенно сжимая бедного жаворонка в такт.

Шуан Цзянь Нянь уже почти оглох, его кулаки крепко сжались. Он был полностью поглощен мыслями о том, как проучить эту «рыбу с девятью дырками»*, и даже не заметил, как началась церемония.

(ПП: Термин «рыба с девятью дырками» относится к людям, не прошедшим девятилетнее обязательное образование. Чаще всего он используется для обозначения артистов с относительно низким уровнем образования.)

Внезапно вся эта пытка остановилась.

— О, они взялись за руки, — сказал Янь Хуалань.

Он отпустил лапу, и Шуан Цзянь Нян мгновенно вскочил и посмотрел на двух культиваторов на Сорочьем Мосту*.

(ПП: В китайской легенде сороки пожалели двух влюбленных, разделенных Млечным Путем, поэтому они образовали мост, позволяя паре быть вместе раз в году.)

Лэ Таоцин, облаченный в красное, был неописуемо прекрасен, тогда как Мэн Кэчжи в лунно-белом одеянии выглядел статно и элегантно — вот только неизвестно, сколько пудры понадобилось, чтобы достичь такого хорошего цвета лица.

После того как они взялись за руки на Сорочьем Мосту, им предстояло одновременно принести клятву в даосском союзе перед небесами. Как только небеса признают клятву, их удача объединится, и обряд союза будет завершен.

Однако в этот момент Лэ Таоцин двумя пальцами коснулся его запястья, и его глаза широко раскрылись.

— Ты ведь и правда... — бессилён!

Он не успел договорить, как почувствовал, что заклинание обрушилось на его горло, прервав слова и лишив возможности произнести хоть одно слово. На лице Мэн Кэчжи сохранялась мягкая улыбка, но его взгляд, направленный на Ле Таоцин, был холодным и угрожающим.

Заклинание тишины было вызвано именно Мэн Кэчжи. Он был полон решимости заключить союз и не допустил бы, чтобы Лэ Таоцин отказался!

Мэн Кэчжи медленно произнес свою клятву. Лэ Таоцин в ярости осознал, что его собственный рот, против его воли, тоже начал произносить клятву.

Наблюдавшие за обрядом культиваторы находились на достаточном расстоянии и не заметили ничего подозрительного.

Система была в панике:

- [Если так пойдет дальше, бедный Лэ Таоцин просто вынужден будет заключить союз с этим мерзавцем!]

Даже Шуан Цзянь Нянь не мог скрыть беспокойства, но из-за присутствия Янь Хуаланя рядом, он не решался помочь Лэ Таоцину снять заклинание.

В этот момент Янь Хуалань резко фыркнул, и поток духовной энергии вырвался из его пальцев, устремившись к Лэ Таоцину.

Как только заклинание было снято, Лэ Таоцин тут же начал кричать:

— Мэн Кэчжи, ты подлый обманщик! Отпусти меня сейчас же!

В глазах Мэн Кэчжи мелькнуло что-то злое. Им оставалась всего лишь секунда до заключения союза. Если бы им удалось это сделать, не только силы Лэ Таоцина перешли бы к нему, но и все чудодейственные лекарства из секты Яоцзун стали бы его. Возможно, тогда он смог бы ослабить демонический яд и восстановить свои силы.

Это был его последний шанс. Кто посмел ему помешать?

Возмущение Лэ Таоцина привлекло внимание не только главы семьи Лэ, который нахмурился, но и Короля медицины, который счел это унижительным.

— Таоцин, это просто недопустимо, — сказал глава секты, Лэ Бувэй. — Луаньцин-цзюнь был выбран тобой как даосский спутник, и церемония была проведена по твоему же желанию. Даже при всей моей любви и заботе, я не могу позволить тебе так себя вести.

Лэ Таоцин сердито возразил:

— Я плохо себя веду? Дедушка, а почему ты не спросишь его, что он сделал?!

Мэн Кэчжи попытался снова использовать заклинание тишины и применить технику очарования, но как только он направил духовную энергию, почувствовал мучительную боль в даньтяне — его духовная энергия была запечатана, и он остался неподвижен.

Его дыхание стало неровным, и взгляд лихорадочно метался по толпе, пока наконец не остановился на Янь Хуалане.

Янь Хуалань улыбнулся ему невинной улыбкой, и сердце Мэн Кэчжи сжалось от страха.

...Как и ожидалось, это он все устроил!

Рядом Лэ Таоцин уже без остановки говорил:

- Он обманул меня, сказав, что любит, но никогда не подпускал меня близко. Я пытался несколько раз сблизиться с ним, но он всячески избегал этого. И вот только что я окончательно убедился: он импотент!

Зал ахнул.

Вопросы, касающиеся мужского достоинства, редко обсуждаются прилюдно, и уж если это случается, то непременно вызывает бурю эмоций. Женщины-культураторы шептались между собой, их лица выражали смущение, но в глазах читались удивление и насмешка. Некоторые мужчины-культураторы, по неизвестным причинам симпатизировавшие Мэн Кэчжи, громко возмущались: как Лэ Таоцин мог так поступить, забыв о приличиях?

Лэ Бувэй тоже рассердился:

- Что ты несешь! Немедленно замолчи!

Однако Лэ Таоцин перекричал даже его.

- Ну, импотент — и ладно, мы могли бы мирно расстаться. Но когда я только что захотел отказаться от брака, он посмел использовать заклинание тишины, чтобы запечатать мне рот, и с помощью чар принудил меня произнести обеты!

- Это... - культураторы переглянулись.

Если бы дело касалось только тайной болезни, можно было бы лишь посочувствовать Луанцинь-цзюню. Но использовать такие низкие методы, как «заклинание тишины» и «чары обольщения», чтобы принудить кого-то к браку, это уж точно не по законам дао!

Но как это возможно? Луанцинь-цзюнь — такой молодой и талантливый благородный человек, вокруг него толпы культураторов, стремящихся к двойному совершенствованию, зачем ему принуждать кого-то?

Ученики школы Лэцзун уже защищали Мэн Кэчжи:

- Не смей порочить нашего старшего брата! Все эти заклинания и чары ты просто выдумал! Если можешь, докажи!

Лэ Таоцин замер, не зная, как доказать свои слова.

В этот момент Янь Хуалань слегка коснулся земли и направился к Сорочьему Мосту.

Шуан Цзянь Нянь как раз собирался сбежать, но был пойман мягкой тканью и спрятан в рукав Янь Хуаланя, где оказался плотно прижат к его сильной, мускулистой руке. Аромат роскошного мускуса, смешанный с молочным запахом, присущим только Янь Хуаланю, окутал Шуан Цзянь Няня, и его голова пошла кругом.

Янь Хуалань приземлился на Сорочьем Мосту с улыбкой, напоминающей свадебного церемониймейстера, но на самом деле он разрушал брак.

- Я могу это доказать.

Он направил свою энергию на Лэ Таоцина, и из его тела начала исходить духовная сила, содержащая следы свежих заклинаний «тишины» и «обольщения».

- Мэн Кэчжи действительно наложил на него эти заклинания. Я сам помог ему избавиться от них.

Все доказательства были налицо, дело было решено.

Затем Янь Хуалань взглянул на Мэн Кэчжи с выражением глубокой скорби:

- Брат Мэн, в тот день, когда ты попросил у меня средства для усиления мужской силы, я уже пытался тебя отговорить. Почему же ты зашел так далеко! Принуждать к браку — это же прямой путь к каре небесной!

Янь Хуалань играл свою роль с большим мастерством, вдохновленный какой-то труппой артистов, и к тому же его репутация сердцееда идеально соответствовала ситуации. Лживая история о средствах для усиления мужской силы выглядела вполне правдоподобной, и большинство зрителей сразу в это поверили. Только Шуан Цзянь Нянь уловил в этом всем аромат крепкого зеленого чая*.

(ПП: видимо отсылка к выражению «сучка зеленого чая», которые притворяются невинными, а на самом деле очень коварные)

Мэн Кэчжи в ярости закричал:

- Прекратите нести чушь! Когда это я просил у вас средства для усиления мужской силы?

- Что? Ты уже накопил столько таблеток для усиления, что тебе не нужно обращаться ко мне за помощью? - Янь Хуалань намеренно исказил его слова, - Не перестаю восхищаться тобой, брат Мэн. В следующий раз давай обсудим, какие таблетки лучше действуют!

Мэн Кэчжи побледнел.

Глава Лэцзун вымолвил с угрюмым выражением:

- Кэчжи, что здесь происходит?

Мэн Кэчжи с грустью в голосе ответил:

- Я глубоко привязан к Таоцину, но, увы, недавние скрытые болезни не отступили... Таоцин лишь временно поссорился со мной, подобное уже случалось раньше. Я лишь опасался, что он пожалеет об этом в будущем, поэтому пошел на такой шаг. Не думал, что король яо так неправильно это истолкует.

Он полностью свалил вину за наложение проклятия на вспыльчивость Лэ Таоцина и заодно выставил себя в роли человека, который проявляет глубочайшую привязанность и терпение.

Многие поверили его словам, замечая: «Я же говорил, что Луанцин-цзюнь не стал бы заниматься такими подлыми делами, но нашлись и те, кто увидел в этом что-то подозрительное и про себя отметил его лицемерие.

Мэн Кэчжи уловил взгляды этих людей, и в его сердце закипело негодование. Но ничего не поделаешь, сейчас ему оставалось лишь отбросить хвост, чтобы спасти все остальное.

Лэ Таоцин едва хотел возразить, как Лэ Бувэй тут же закрыл ему рот, чтобы тот не сказал лишнего и не разрушил дружбу между двумя сектами.

- Похоже, здесь произошло недоразумение, - сказал глава секты Лэцзун, стараясь уменьшить напряжение, - Так что давайте дадим этим молодым людям время разобраться в своих разногласиях, а вопрос о браке отложим. На сегодня все, расходимся.

- Пойдите, - вдруг сурово произнес Янь Хуалань.

Глава секты Лэцзун мгновенно почувствовал, что десятки яо окружают Сорочий Мост, и каждый из них имеет силу не ниже уровня Золотого ядра. Очевидно, даже если дело дойдет до схватки, король яо не намерен позволить им уйти.

Глава секты Лэцзун с раздражением произнес:

- Король яо, у вас нет никаких конфликтов с моим старшим учеником, зачем вы так цепляетесь к Кэчжи?

Янь Хуалань громко рассмеялся:

- Я всегда готов помочь и поступить по справедливости.

Он подумал про себя, что они не понимают, как сильно одинокие люди ненавидят лживые парочки. Кроме того, он надеялся, что его брат, увидев, как он так ловко карает злодеев, растрогается и бросится к нему в объятия.

Конечно, он и не подозревал, что Шуан Цзянь Нянь уже был спрятан в его рукаве, но не чувствовал ни малейшего трепета, а лишь страх двигаться.

- Кроме того, - холодно продолжил Янь Хуалань, - Кто сказал, что у меня нет конфликтов с Мэн Кэчжи?

С этими словами он взмахнул голубой чашей, и пламя устремилось на Мэн Кэчжи. Глава секты Лэцзун, видя, что дело принимает опасный оборот, сотворил призрачный образ арфы-кунхоу и выпустил звуковую волну навстречу огню, но пламя оказалось сильнее и запылало на праздничной одежде Мэн Кэчжи.

Когда пламя угасло, все присутствующие ахнули, увидев состояние Мэн Кэчжи. На его обнаженной груди и животе чернели следы демонического яда.

- Он приспешник Повелителя демонов, - холодно заявил Янь Хуалань, - Во время битвы между бессмертными и демоническими существами на конкурсе алхимиков он был там... на стороне Повелителя демонов.

Глаза Мэн Кэчжи налились кровью:

- Ты лжешь!!!

Несколько стражников короля яо бросились вперед, схватили Мэн Кэчжи и заткнули ему рот.

Глава секты Лэцзун был шокирован, увидев на его теле следы демонического яда, и на мгновение замер в нерешительности.

Глаза Янь Хуаланя стали ледяными:

- Когда я был ребенком, меня похитили злодеи, а затем Повелитель демонов заточил меня в одном из тайных царств, и Мэн Кэчжи оказывал им помощь. Из-за них я скитался в одиночестве сотни лет, и лишь благодаря помощи моего ванфэй я смог вернуться к своему народу.

Шуан Цзянь Нянь, спрятанный в его рукаве, был поражен, он и не подозревал, что Янь Хуалань давно узнал о злодеяниях Мэн Кэчжи и сейчас решил разоблачить его.

Несколько коротких фраз Янь Хуаланя повергли всех в шок. Это не только свидетельствует о том, что в Союзе бессмертных завелся предатель, но и затрагивает дружбу между расами яо и людей.

— Король яо, будьте осторожны в своих высказываниях, — с серьезным лицом произнес глава секты Лэцзун. — Возможно, в этом деле есть какое-то недоразумение? Есть ли у вас доказательства?

— Приведите их, — приказал Янь Хуалань.

Пятерых культиваторов подвели к Сорочьему Мосту под стражей золотых воронов-яо.

Золотые вороны подняли их лица, позволив всем внимательно рассмотреть их. Кто-то с хорошей памятью воскликнул:

— Это те самые заключенные, которые сбежали с казни на площади Гухэ!

Янь Хуалань подтвердил:

— Верно. Шестнадцать лет назад, в одну ночь, все заключенные с площади Гухэ бесследно исчезли. Тогда за это отвечал Мэн Кэчжи. Возможно, многие из вас считают, что это была его небрежность, но на самом деле он умышленно отпустил этих заключенных.

Он склонил голову, словно не в силах вспомнить о тех ужасных событиях:

— По приказу Повелителя демонов он привел этих заключенных в тайное царство, где меня удерживали, чтобы пытать и мучить меня...

Его голос был спокоен, но в нем явно звучала глубокая боль.

Эти заключенные были жестокими преступниками, отягощенными тяжкими грехами. Шестнадцать лет назад королю яо было всего три-четыре года, и он вынужден был терпеть их бесконечные издевательства. Это действительно печально.

Шуан Цзянь Нянь слушал все это в полном недоумении. Эти заключенные были посажены туда не для того, чтобы убить его, а чтобы кормить его. Он прекрасно помнил, как группа беспощадных злодеев на стадии Золотого ядра, увидев Янь Хуаланя, приходила в ужас и пряталась хуже крыс.

Тем временем Золотые вороны применили к заключенным заклинание Истинное Слово, чрезвычайно жестокую технику, которая вырывает сознание и заставляет говорить правду. Это заклинание разрешено использовать только для допроса заключенных, признанных Союзом бессмертных.

На самом деле Шуан Цзянь Нянь тоже хотел найти этих заключенных с помощью системы распознавания лиц и затем использовать «истинное слово», чтобы раскрыть правду. За последние один-два месяца он ничего не добился, и теперь стало понятно, что это потому, что Янь Хуалань уже давно их поймал.

У Шуан Цзянь Няня есть Система, которая помогает ему, а у Янь Хуаланя такого нет, и ему пришлось потратить огромное количество усилий, чтобы найти этих заключенных. Это происходило уже много раз — Шуан Цзянь Нянь хотел что-то сделать, а Янь Хуалань уже все сделал за него; он хотел получить что-то, и Янь Хуалань старался изо всех сил, чтобы это достать и подарить ему.

Эту пылкую преданность трудно было не заметить. В сердце Шуан Цзянь Няня что-то дрогнуло, как вдруг в его рукав просунулась большая рука и, словно сжимая антистрессовую игрушку, начала терзать его. Рука Янь Хуаланя скрывалась в рукаве, безжалостно издеваясь, а его лицо оставалось невозмутимым и серьезным, как будто он вершил правосудие от имени небес, завоевывая бесчисленные симпатии и похвалы.

Шуан Цзянь Нянь: «...»

Шуан Цзянь Нянь устало понял, что никогда больше не сможет полюбить.

Заклинание «Истинное слово, пожирающее сердце» продолжалось целый час. Признания пленников полностью совпали с доказательствами, которые были получены Союзом Бессмертных много лет назад, окончательно подтвердив вину Мэн Кэчжи.

Правда вскрылась, и все были потрясены. Невозможно было поверить, но отвергать ее было нельзя. Некоторые товарищи Мэн Кэчжи по Союзу Бессмертных уже не могли сдержать гнева и начали его ругать:

- После того, как ты освободил пленников, тебя понизили в должности. Я так тебе доверял, и чтобы поддержать тебя, посылал тебе множество эликсиров и артефактов. Но кто бы мог подумать, что ты использовал мои подарки, чтобы служить Повелителю демонов, убивая наших собратьев!

- Это все заговор! Он хотел вступить в брак с учеником секты Яоцзун, чтобы внедриться в секту и изнутри разлагать Союз Бессмертных!

— Хорошо, что церемонию вовремя остановили, иначе этому ученику не избежать бы ужасной участи...

Лэ Бувэй был напуган до предела, его спина покрылась холодным потом. Он был невероятно рад, что церемонию прервали, иначе его секта Яоцзун тоже могла бы пострадать.

Цилинь-сяньцзунь уже вернулся в Союз Бессмертных, но на месте оставался Цзывэй-сяньцзюнь. Шуан Хуайюань принял Мэн Кэчжи из рук стражников Золотых Воронов, взяв на себя ответственность за его заключение и доставку в Союз для дальнейшего наказания.

Мэн Кэчжи был скован по рукам и ногам, и под крики «предатель», «ничтожество», «отброс» его, под надзором стражников Сюаньмэн, провели сквозь толпу, словно на позорный обряд.

Где бы он ни проходил, все культиваторы, завидев на нем демонический яд, спешно отступали на три шага назад, выражая отвращение и ненависть. Даже его учитель, глава секты Лэцзун, избегал встречаться с ним взглядом, лишь качая головой и вздыхая.

Некогда гордый любимец небес докатился до такого.

Мэн Кэчжи в полузатуманенном сознании думал: на каком шаге он все-таки совершил ошибку, которая привела его к такому концу?

И еще он думал, среди этих культиваторов, наслаждающихся его падением, есть его младший брат?

Младший брат ... Будет ли он жалеть его? Пожалеет ли, что не избавил от яда?

В тюрьме Мэн Кэчжи вспоминал много событий из прошлого. Иногда его охватывали сильные эмоции, но затем Дао Пути Бессердечия подавляло их, и он то рыдал, то становился холодным и безжалостным, что едва не сводило его с ума.

До рассвета, в самый темный час суток, Мэн Кэчжи попытался собрать свою духовную энергию и неожиданно обнаружил, что все его знание и умения в Пути Бессердечия, которые он культивировал более ста лет, исчезли. Теперь он ничем не отличался от обычного смертного. Его срок жизни истощался, тело быстро старело и иссушалось, и через несколько дней его настигнет смерть.

Ирония в том, что год назад он был озабочен тем, что не может достичь стадии Трансформации, и планировал разорвать свою связь с младшим братом, чтобы решить эту проблему. Теперь, когда его Дао разрушено, он полноценно испытывал чувства и наконец понял многие вещи, которые ранее были ему непонятны. У него был шанс стать самым важным человеком в сердце своего младшего брата, но эта братская привязанность была давно утрачена. Она разбилась, и никогда не будет восстановлена.

Кто-то встал перед ним.

- Ты пришел убить меня, — с горькой усмешкой сказал Мэн Кэчжи.

Ресницы стоявшего с другой стороны железной клетки Шуан Цзянь Нянь чуть дрогнули.

Сейчас Мэн Кэчжи выглядел ужасно: взъерошенные волосы, грязное лицо, висящий на его ключицах замок в виде пипы, жалкое и безнадежное состояние.

Его культивация была полностью утрачена, а репутация разрушена.

Это был образ, который Шуан Цзянь Нянь когда-то мечтал увидеть. Но теперь он не чувствовал радости от мести, не потому что жалел старую дружбу или испытывал мягкость к нему, а потому что... ему было все равно.

Предательство Мэн Кэчжи больше не имело значения, в тюрьме перед ним был всего лишь посторонний человек, заслуживший свое наказание.

- Я не стану марать руки твоей кровью, — равнодушно сказал Шуан Цзянь Нянь. — Я здесь лишь для того, чтобы убедиться, что при допросе Союз Бессмертных не обнаружит, что ты практиковал Путь Бессердечия, чтобы не было вреда мне.

Мэн Кэчжи опередил его и сказал:

- Я сам уничтожу свое сознание.

Уничтожение сознания — это когда тело остается целым, но оно превращается в пустую оболочку, оставляя человека полным идиотом. Этот поступок равносителен самоуничтожению души, после чего не будет никакой возможности для перерождения или переселения души.

Эгоистичный и корыстный Мэн Кэчжи, разве он мог бы на такое пойти?

Шуан Цзянь Нянь нахмурился:

- Не пытайся хитрить.

- Я серьезен, — улыбнулся Мэн Кэчжи. — Младший брат, я поступил с тобой неправильно. Уничтожение моего сознания — это единственное, чем я могу искупить свою вину. Пусть это и не принесет тебе пользы... но я хочу, чтобы ты знал, я искренне раскаиваюсь.

Вспоминая прошлое, все эти годы он стремился к Великому Пути, и все остальные люди казались ему далекими и несущественными, он был готов отказаться даже от младшего брата.

Он все еще помнил, как в юности его отец, Дацзунь Пути Бессердечия, наставлял его: они с младшим братом — единое целое, как бы ни было трудно, они никогда не должны причинять друг другу вред.

В детстве младший брат всегда прятался в тени, на его лице никогда не было выражения, всегда холодное и безучастное, но Мэн Кэчжи постоянно пытался рассмешить его.

Примерно через два года младший брат впервые улыбнулся.

«Младший брат улыбнулся!» — воскликнул тогда Мэн Кэчжи, полный восторга, за что его отец наказал стоять на коленях три дня и три ночи.

Эти воспоминания, которым уже более ста лет, стали расплывчатыми, но Мэн Кэчжи помнил, что улыбка младшего брата была очень красивой.

В клетке лицо постаревшего Мэн Кэчжи было покрыто грязью, но его улыбка оставалась такой же нежной и доброй, как у того самого старшего брата-шисюна из прошлого.

- Младший брат, перед смертью у меня есть последнее желание. Я хочу еще раз увидеть твое лицо, увидеть, как ты улыбнешься, и услышать, как ты называешь меня шисюном. Можешь?

Если бы он знал, к чему это приведет, он бы не поступил так в прошлом.

Шуан Цзянь Нянь считал его раскаяние смешным.

- Нет, — холодно сказал он. — Ты уже давно не мой шисюн.

Он готовился стереть память Мэн Кэчжи, но услышал, как тот горько усмехнулся, а затем тихо вздохнул.

Мэн Кэчжи медленно рухнул на землю, в его теле все еще оставалась жизнь, но душа уже покинула его. Шуан Цзянь Нянь был слегка ошеломлен, обнаружив, что Мэн Кэчжи действительно уничтожил свою душу.

...Последнее сознание Мэн Кэчжи казалось очень печальным.

Шуан Цзянь Нянь задумался. Он отнял у Мэн Кэчжи его силу, репутацию, положение, а затем и жизнь — все это, возможно, было не столь важно. Но он невольно отнял у Мэн Кэчжи самое драгоценное — его последнего оставшегося родственника, его младшего брата-шиди.

Шуан Цзянь Нянь думал, что это должно было вызвать у него какие-то эмоции, но в его душе

не возникло ни малейшего волнения.

Когда он собирался покинуть тюрьму, вдруг услышал голос, звучавший с усмешкой.

— Брат, ты действительно силен. Даже стражей Сюаньмэна можешь с легкостью одолеть.

Сердце Шуан Цзянь Няня сжалось. Как Янь Хуалань оказался здесь?

— Брат, советую тебе не убегать. Я уже запечатал барьер, просто жду, когда ты попадешь в ловушку.

Сказав это, Янь Хуалань широким шагом вошел в тюрьму. Он использовал Мэн Кэчжи как приманку, уверенный в том, что поймает своего старшего брата, как большую рыбу.

В этот момент, когда встреча с беглецом была неминуема, Янь Хуалань не мог понять, испытывал ли он радость, смятение или страх перед возможным гневом брата.

Но тюрьма была пуста — Шуан Цзянь Няня не было видно.

...Старший брат снова ушел.

Янь Хуалань стоял в центре пустой камеры, его яркий и роскошный плащ из перьев потерял свое сияние.

Снаружи раздался голос:

— Ваше Величество, сюда пришли люди из Сюаньмэна. Если они встретятся с нашими яо, объясниться будет трудно.

Янь Хуалань мрачно произнес:

— Всем отступить.

Он повернулся, собираясь уйти.

Из тени в углу камеры Шуан Цзянь Нянь тихо выдохнул с облегчением. Но в этот момент из ниоткуда появилась рука, схватившая его в своей ладони.

— Поймал тебя.

Янь Хуалань наклонился и обнажил острые белые зубы в ухмылке.

— А я-то думал, куда ты подевался, а ты прятался здесь, Сяо Юнь Цюэ*.

(ПП: он называет его «маленький облачный воробышек»)

<http://bllate.org/book/13610/1207153>